

**1956 ГОД В ИСТОРИИ СТРАНЫ: ЭПИЗОД ИЗ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ (БОЙКОТ НА СТРОМЫНКЕ)**

Герасимова Ольга Геннадьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В Московском государственном университете в 1956 г. училось немало иногородних студентов, следовательно, немаловажное значение имела правильная и удовлетворяющая всем нормам организация быта. Изучив ряд архивных документы, газетных статей, а также воспоминания очевидцев событий, автор пришел к выводу, что бойкот столовой имел объективное обоснование и был вызван реальными, существовавшими недостатками в бытовом обслуживании студентов.

Стромынское общежитие объектом критики становилось неоднократно. Работа столовой общежития на Стромынке (как и работа буфетов) вызвала нарекания и жалобы со стороны студентов и до мая 1956 г. Но серьезные меры со стороны, как дирекции столовой, так и университетского руководства не принимались. Еще в 1954 г. в справке о работе со студентами и аспирантами иностранцами МГУ¹ отмечались: перегруженность столовых, ограниченный ассортимент продуктов питания, отсутствие горячей воды в буфетах, мытье посуды в непригодных тазах. На три тысячи студентов студгородка, среди которых были студенты не только МГУ, но и других московских вузов – Горного, Текстильного², работало всего лишь три буфета. С приходом нового директора столовой, Б.П. Петухова, произошли реальные сдвиги: стали лучше готовить, улучшился ассортимент блюд, дополнительно открылся еще один буфет на 3-м этаже. Но энтузиазма нового директора хватало не надолго. Руководство столовой и студсовет давно добивались, чтобы парикмахерскую перевели на 3-й этаж, а ее помещение на 1-м этаже отдали под буфет. Тогда можно было бы провести горячую воду и организовать продажу холодных и горячих блюд, так как в существовавшем помещении санитарная комиссия запретила работать. Вместо конкретных действий директор студгородка Баринов предложил новому директору столовой Б.П. Петухову свое «решение» проблемы: «Не нравится помещение, – закрывайте буфет совсем»³. При таком количестве населения студгородка и определенном графике работы столовой и буфетов отсутствовала продажа пищевых полуфабрикатов:пельменей, котлет, молочных продуктов.

О неблагоприятной ситуации в студенческом быте свидетельствует следующий факт: в записке на имя М.А. Сулова, выступавшего с докладом на университетском партсобрании в октябре 1955 г., студенты-коммунисты просили создать комиссию для проверки и наведения порядка

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

в общежитии студентов на Стромынке⁴. Судя по отсутствию документов в архиве, комиссия создана не была.

Незадолго до «бойкота» в университетской газете была опубликована статья «Не думают о меню», где говорилось о неудовлетворительной работе столовой и нескольких буфетов на Стромынке.

Под впечатлением новаторства XX съезда, многие студенты стали реально воплощать восстановление поправленной справедливости. Результаты их усилий 29 мая 1956 г. были обсуждены на внеочередном заседании парткома МГУ. Предметом рассмотрения стало «неправильное, недостойное» поведение группы студентов МГУ 25–27 мая 1956 г.⁵

Неизвестно, знали ли студенты МГУ о бойкоте, применявшемся в качестве метода борьбы с недостатками в обслуживании студентов дореволюционной поры, смеем предположить, что нет. Но вот, в монографии А.Е. Иванова «Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба» приводится пример бойкота столовой в 1888/1889 учебном году питомцами Вифанской духовной семинарии (!) из-за недоброкачественного супа (в нем оказались черви)⁶. Причина возмущения студентов была подобная – 21 мая студенты обнаружили в буфете несколько килограммов некачественных сарделек. Работники комбината не признали обвинений. Об этом происшествии узнали студенты, жившие в общежитии на Стромынке, и объявили бойкот стромынской столовой, где тоже оказалось немало недоброкачественных продуктов⁷.

25 мая студенты-филологи и юристы выставили у столовой на Стромынке пикеты и никого не пустили в помещение. Возглавила пикетчиков студентка филологического факультета Л.П. Ковалева. К ним присоединились студенты других факультетов. Выступления студентов встревожили, и 26–27-го Стромынку посетили представители парткома, факультетов и вузкома МГУ. По мнению парткома, бойкот – «политическая провокация»⁸. Правда, как следует из тех же протоколов, некоторые преподаватели, соглашаясь с тем, что бойкот – неприемлемая форма, в то же время полагали, что ее нельзя квалифицировать как антисоветскую⁹.

Вызван бойкот был отнюдь не политическими мотивами, а обычными бытовыми неурядицами. Другое дело, что форма борьбы с ними была выбрана нестандартная для советского общества. Проблемы в сфере бытового обслуживания существовали и раньше, до XX съезда, но именно под его влиянием студенты решили прибегнуть к такой форме протеста, как бойкот. Руководство было в явной растерянности. С одной стороны, бойкот – «это одна из форм массовой экономической и политической борьбы трудящихся классов и угнетенных народов против капиталистической эксплуатации и империалистического угнетения»¹⁰. И понятны тогда реплики на партсобраниях, заседаниях парткома о «не наших формах борьбы», о том, что бойкот – это форма классовой борьбы, а у нас нет эксплуататоров

и угнетенных народов. Но, с другой стороны, то же партийное и университетское руководство признавало, что имелись недостатки в бытовом обслуживании студентов, оно о них знало, но своевременных мер по их ликвидации не принимало. Отсюда и достаточно «мягкие наказания» зачинщиков бойкота. Е. Таранов в своей работе указывает, что за участие в бойкоте были исключены из университета несколько студентов-юристов и студентка филологического факультета Ковалева, а прямые виновники всех этих событий – работники комбината общественного питания отделались испугом¹¹. Более того, комитет комсомола вел себя в эти дни пассивно, не было проведено ни одного заседания, никого не наказали, даже не пожурили. По словам очевидцев событий, на некоторое время обвесы и обмеры в столовой прекратились, питание улучшилось, но вскоре вернулись на «круги своя».

1. ЦАОПИМ. Ф. 4. – Оп. 100. – Д. 11.

2. В выступлении председателя студсовета Стромьинского студгородка Кравченко на проводимом Московским областным комитетом профсоюза работников культуры 25 февраля 1955 г. семинаре студенческих советов высших учебных заведений г. Москвы по обмену опытом работы, указывалось, что в общежитии в Сокольниках помимо студентов гуманитарных факультетов МГУ проживают, правда, в небольшом количестве, студенты еще 25 (!) других московских вузов.

3. Агуреев, Н., Бокарева, М., Вишневский, Е., Кармазинов, Л., Пяталь. И. Пройдемте по этажам общежития. Рейд газеты «Московский университет» (Дела торговые) // Московский университет. – 1954. – 4 ноября.

4. Перечень записок, полученных тов. Суловым М.А. во время его доклада на партсобрании Московского университета 28.9.1955 г. // РГА-НИ. Ф. 5. – Оп. 35. – Д. 15. – Л. 21. (В этом документе нет прямого указания, что речь идет о бытовых условиях, но, поскольку, никаких упоминаний о «громких» происшествиях в МГУ в архивных делах диссертантом обнаружено не было, смеем предположить, что речь идет о бытовых проблемах, в том числе и о столовой).

5. Таранов, Е. «Раскачаем Ленинские горы!» Из истории «вольнодумства» в Московском университете (1955–1956 гг.) / Е. Таранов // Свободная мысль. 1993. № 10. – С. 99.

6. Правда, наказание, понесенное семинаристами, было суровее, нежели в 1956 г. – семинарское правление не рекомендовало ни одного своего питомца «кандидатом» в студенты духовной академии // Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М., 1999. – С. 62–63.

7. Таранов, Е. Ук. соч. – С. 99; При работе с документами выяснилась другая причина: «23 мая в буфете общественным контролем обнаружены

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

злоупотребления. В буфете были сардельки, 40 кг., но в продажу они не поступили. Был составлен акт. Об этом стало известно по всему общежитию. Сардельки были оформлены через наш буфет для буфета райисполкома... 22 мая в буфете была тухлая капуста...» // ЦАОПИМ. Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 644. – Л. 71.

8. Таранов Е. Ук. соч. – С. 99.

9. ЦАОПИМ. Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 644. – Л. 72.

10. БСЭ. – Т. 5. М., 1950.

11. Правда, через несколько лет их все-таки разоблачили. Большая группа была арестована и осуждена // Таранов, Е. Ук. соч. – С. 100. (О.Г. – с исключением Ковалевой пока не совсем ясно. Подтверждения в имеющихся документах мной не было обнаружено. Зато есть выступление в защиту Л. Ковалевой на заседании партийно-комсомольского актива филологического факультета от 7 июня 1956 г.: «... т. Щегловский... Мохов сказал студентке Ковалевой, что она предала Родину за кусок хлеба. Этого нельзя простить не только члену КПСС, но и рядовому» // ЦАОПИМ. Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 653. – Л. 69; А в записях протокола № 5 заседания партбюро филологического факультета МГУ от 14 ноября 1956 г. находим удовлетворение просьбы студентки 5-го курса Л.П. Ковалевой об отправке в Египет «для участия в освободительной борьбе египетского народа» // Там же. – Л. 148; В постановлении партбюро исторического факультета имеется запись: «...3. Партбюро поручает комсомольскому бюро разобрать в персональном порядке на своем заседании поведение Мнацаканяна и Гончаровой. 4 Партбюро рекомендует деканату исключить активных участников хулиганского выступления на Стромынке...» // ЦАОПИМ. Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 644. – Л. 102; Л.Н. Краснопевцев, в ту пору секретарь факультетской комсомольской организации, вспоминает: «М. Мнацаканяна удалось уберечь от наказания. События на Стромынке произошли в сессию, после сессии он уехал на каникулы домой, а там дело удалось замять» // Интервью с Л.Н. Краснопевцевым).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭВАКОГОСПИТАЛЯ №3999 ПО МЕДИЦИНСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ФРОНТОВИКОВ В Г. КУЙБЫШЕВЕ В 1941-1945 ГГ.

Рытшикова Марина Александровна

Самарский государственный педагогический университет

Великая Отечественная война резко изменила политическую, социально-экономическую, духовную и культурную жизнь Советского государства. Не было, наверное, такого человека в нашей стране, которого не